

Овчинников Алексей Игоревич
Ovchinnikov Alexey Igorevich

профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор.

Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.
Тел.: 8 (928) 279-36-28.

Бойко Наталья Александровна
Boyko Natalia Alexandrovna

заведующий кафедрой конституционного и административного права Института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of Services, Tourism and Design, North Caucasus Federal University, PhD in Law, Associate Professor.
Тел.: 8 (928) 373-68-24.

**НАРОДОВЛАСТИЕ В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИИ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ**

Democracy in the history of Russian state: political and legal tradition

---

Статья посвящена становлению демократических традиций в России. Указывается, что в формировании российской государственности огромную роль играли институты народовластия – вече, казачья вольница, земские соборы и другие. Авторы приходят к выводу, что самобытность отечественной демократической эволюции власти обусловлена отсутствием городских традиций самоуправления и авторитарных механизмов управления в условиях постоянных военных конфликтов.

Ключевые слова: народовластие, демократические традиции, Древнерусское государство, государственность, вече, Земский собор.

The article analyzes the establishment of democratic traditions in Russia. It is stated that in the process of formation of Russian statehood played a huge role institutions of democracy – the council, the Cossack freemen, Zemsky Sobor, etc. Authors come to a conclusion, that identity of domestic democratic evolution of the power is caused by lack of city traditions of self-government and authoritative mechanisms of management in a situation of the constant military conflicts.

Keywords: democracy, democratic tradition, ancient Russian state, Russian state, council, Zemsky Sobor.

Важным в истории государственного права России является вопрос о формировании демократических традиций в нашей стране. В период Киевской Руси особой формой народовластия являлись вечевые институты управления. Вече – это народное собрание, важная составная часть политической организации древнерусского общества. «Народ и князь, – писал известный русский юрист В. И. Сергеевич, – суть два одинаковых существенных элемента древнерусского общественного быта: с одной стороны, народ не может жить без князя, с другой – главную силу князя составляет тот же народ. Участие народа в общественных делах проявляется под формой веча» [11, с. 1].

В отечественной истории государства и права не умолкают дискуссии о распростра-

ненности веча и его роли в некоторых землях [7, с. 46], в том числе в Киевской Руси. Один из ведущих историков И. Я. Фроянов полагает, что у князей не было законотворческих правомочий, и отмечает присутствие в системе власти Киевского государства народного веча по аналогии с Новгородской республикой [15, с. 27–28].

Так, в древнерусских источниках права указывается, что вечевые собрания существовали во многих княжествах. Однако со временем они исчезают, и в первую очередь это связано с татаро-монгольским нашествием. В северо-западных регионах – Новгороде, Пскове, Смоленске вече просуществовало дольше, так как в них степень разорения и мобилизации была значительно меньше, чем в иных землях.

После присоединения к Московскому государству вечевые институты исчезают в них окончательно.

В летописи Нестора можно встретить самое раннее упоминание о вече – совете полян, на котором совещались по поводу сбора дани для хазар. Более точная дата проведения первого вечевого собрания приводится в Повести временных лет: «...и удолжиша остоя град, и бе глад велик, и створиша вече в Белгороде» [5, с. 12].

Организаторами, руководителями и участниками веча являлись, как правило, юридически свободные люди и высшие лица – князья, церковные иерархи, бояре, богатые купцы.

У каждого вечевого собрания были свои лидеры, однако они не оказывали влияния на свободное волеизъявление «вечников». Элита не обладала механизмами, позволяющими игнорировать решения веча [11, с. 142].

Историк И. Я. Фроянов писал: «Вечевые сходы суть народные собрания в буквальном смысле слова. Состав вечевых собраний социально неоднороден: здесь встречаются как простые люди, так и “лучшие”, то есть знатные. Нет досаднее заблуждения, чем то, согласно которому народ на вече являлся чем-то вроде послушной овечки в руках знати. Напротив, глас народный на вече звучал мощно и властно, вынуждая нередко к уступкам князей и прочих именитых “мужей”. С помощью веча, бывшего верховным органом власти городов-государств на Руси второй половины XI – начала XIII века, народ влиял на ход политической жизни в желательном для себя направлении» [14, с. 4]. Однако вече не было постоянным органом власти, хотя принимало решения о войне и мире, утверждении договоров, приглашении князей.

Компетенция веча имела чрезвычайный характер. Главным предметом его ведения был вопрос о призвании и изгнании князя. В. И. Сергеевич отмечал: «Признание того или иного князя наследственным неизвестно древней России, но встречаются случаи добровольного ограничения права призвания только одной какой-либо отраслью потомков Рюрика. Соглашение народа с князем о его преемнике есть тоже призвание, но состоявшееся под влиянием особого благорасположения к прежнему князю» [11, с. 75]. Вече оформляло свои отношения с князем через ряд (договор), од-

ной из основных форм которого была присяга в виде крестоцелования.

Вече имело и свой регламент. Статья 108 Псковской судной грамоты закрепляет за вечевым собранием на постоянной основе право законодательной деятельности: «А которой строке поплиной грамоты нет, и посадником доложити господина Пскова на вече, да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте не люба будет господину Пскову, ино та строка вольно выписать вон из грамот». Историки отмечают, что вече также могло принимать постановления, которыми регулировалась законодательная деятельность князей.

Следует отметить, что исторически существовали различные виды народных собраний в Древней Руси. Так, феодальное самоуправление возникло на основе местных собраний. Возрождение и применение термина «вече» объясняются сохранением его в практике древнерусской жизни с большим числом значений [2, с. 15]. Им обозначались и совещания знати, и собрания городских «меньших» людей, и военные советы, и даже заговоры и восстания.

Древнерусский город представлял собой самоуправляющуюся общину со своим внутренним порядком, судом и законодательством. «Это не только рыночная площадь, но и вечевая площадь, атрибутом которой нередко был вечевой колокол. В самом городе историки выделяют ряд самоуправляющихся единиц: “концов” или “улиц” в виде уличанских общин, в которые объединяются жители района какой-то одной профессии, ремесла. Исход политической борьбы в нашем древнерусском *civitas* нередко зависел от мнения уличанских общин. Наконец, надо помнить, что городская община Древней Руси имела собственный аппарат управления в виде не только вечевого собрания, но и выборных должностных лиц, главным из которых был “тысяцкий” (др.-рус. тысяцкий). В городе Москве, например, эта должность просуществовала вплоть до 70-х годов XIV века» [5, с. 231].

Однако татарское завоевание Руси принесло абсолютистское представление о власти князя, и почва для развития вечевой деятельности исчезла. После монгольского нашествия хозяйственная и культурная жизнь городов (за исключением Новгорода и Пскова) стала приходить в упадок, рост городского населения

прекратился. Возрождающиеся же города больше напоминали Восток, чем Запад [13]. Не происходило развитие городского права, корпораций и гильдий мастеров. Так, если в западноевропейском средневековом городе формировались самостоятельные организации горожан по профессиональному признаку, защищающие их интересы и регулирующие отношения как между членами объединения, так и с представителями иных союзов, то на Руси никогда не было профессиональных городских корпораций, как и городского права. Ремесленники по своему статусу были больше схожи с крепостными крестьянами, нежели с горожанами в западном понимании. Несколько в лучшем положении находилось купечество, которое объединялось в организации, подобные гильдейским. Создатель всемерного «регулярства» Петр I организовал гильдейство «сверху»: в 1721 году Регламентом Главного магистрата было объявлено обязательным создание гильдий во всех городах. Посадское население было разделено на «регулярных» и «нерегулярных». Первые, в свою очередь, делились на гильдии по имущественному признаку. Все это происходило в XVIII веке, когда на Западе цеховой (гильдейский) порядок уже давно изжил себя.

Следует отметить, что развитию демократии не способствовали военные угрозы тех времен. Средневековые русские города – это укрепленные центры княжеской власти, а уже затем экономические центры.

Серьезный импульс демократизации власти дало казачество. При этом самобытность народовластия не только казачества, но и вообще демократии на Руси отмечается многими исследователями. «Вечевой идеал распадается на противоположные и взаимопроникающие идеалы: соборный и авторитарный», – указывает И. В. Кондаков [10, с. 69]. Вече и князь, царь и Дума, Верховный Совет, Пленум ЦК и Генсек, Президент и Администрация Президента – постоянные параллели в истории отечественного государственного права. В рамках такой демократии «дела решались не по большинству голосов, не единогласно, а как-то совершенно неопределенно сообща», – писал В. Д. Кавелин [8, с. 67–68].

Противоположным (по отношению к политической пассивности, безропотности и терпимости) вектором народных душевных уст-

ремлений является идея безвластия, ухода от государства, его гнета и деспотии, что ярко выражено в идеях русской вольницы, бунта и казачества. Этот вектор и можно считать своеобразным проявлением демократизма.

Как известно, казачество существовало в виде социальных образований с особым укладом экономической и политической жизни. Его отношения с государством были сложны, зачастую враждебны, строились на договорах. Управление осуществлялось в них в форме прямой демократии, не имеющей правовой регламентации. В ее внутреннем устройстве явно прослеживались общинные начала [1, с. 312]. Форма этой власти с трудом поддается характеристике посредством современных политических понятий, так как это было единство народоправства с жесткой авторитарной властью казачьих лидеров (Богдана Хмельницкого, Степана Разина и других).

Образ казацкого «вольного товарищества» глубоко укоренился в русской ментальности. Русский человек всегда невольно обращал свои думы в «дикое поле» и рисовал в своем воображении понизовую, свободную вольницу.

Интересен анализ Н. Н. Алексеева былинных представлений нашего народа о государстве и князе, в рамках которого казацкий идеал власти представлялся стихией воли, свободы, известной реализации народной мечты. В русском былинном эпосе, посвященном подвигам Ильи Муромца и других богатырей, Русь представляется стихией, где свободно и вольно возникают властные отношения. На добровольных началах служат русские богатыри князьям, «свободно бродят... по русской земле, набирают вольные дружины, уезжают с ними в степь, бьются с басурманами, приходят к князьям и их выручают» [1, с. 103]. Те радуются богатырям, принимают их как дорогих гостей, дарят им подарки. «Не долг повиновения, а свободная воля – вот отношения богатырей к князю» [1, с. 104]. Князья показываются или смешными, слегка трусливыми, или демократичными, мужицкими, приглашающими к себе за стол бродячих людей, разбойников, гольгтыбу. Народ чувствует силу казацкой стихии, дикой вольницы и даже склонен, как показывает Н. Н. Алексеев, к идеализации этой силы при сопоставлении ее с князем.

Казацкий идеал можно назвать народным, демократическим. Но в таком народовластии

нет места праву, организующему началу, это демократия первобытная, кочевая, политическая аморфная, стихийная, полуанархическая.

Близкими по духу к идеалам казачества являются принципы российского сектантства, исходящие из неприятия русского правительства. «Уход от государства, равносильный уходу от мира, – таково было самобытное слово народных русских религиозных движений, оторвавшихся от ...официальной церкви» [1, с. 110].

Завершая краткий обзор демократических начал в эпоху Московского государства, нельзя не сказать о земских соборах и Боярской думе. Как известно, во всех русских землях действовали княжеские думы. Это был постоянный совет при князе, состоящий из дружинников – ближайших его соратников и лиц духовного звания. Именно с ними князь обсуждал важнейшие государственные вопросы.

Постепенно княжеские думы трансформировались в боярские и заняли прочное место в политической жизни Московского царства. Как отмечал М. Ф. Владимирский-Буданов, «Дума была вспомогательным учреждением при самодержавной власти» [4, с. 111], в обязанности которого входило правотворчество и решение внешнеполитических проблем. Как правило, решение принималось в такой форме: «государь указал, и бояре приговорили» или «по государеву указу бояре приговорили». Полномочия Думы не были зафиксированы нормативно, но определялись, как и власть царя, обычаями и традициями, что подтверждают тексты Судебников 1497 и 1550 годов, а также Соборное уложение 1649 года. В Боярскую думу входили далеко не все представители правящей элиты, а лишь те, которых назначал царь. Поэтому ее нельзя считать представительским учреждением в современном понимании. Боярская дума впоследствии была трансформирована в Сенат и просуществовала до конца XVII века.

Еще одним институтом представительской власти являлись земские соборы, оказавшие существенное влияние на жизнь Московского государства XVI–XVII веков. Это был двухсоставный орган представительской власти. В него входили представители всех основных сословий: бояре, начальники приказов, епископы, духовенство, горожане и даже черносот-

ные крестьяне. Земские соборы могли выбирать царя, решать вопросы внешнеполитического характера, определять налоговую политику, внутренний мир и порядок. По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, «Земский собор не есть элемент власти, противоположный власти царской и Боярской думы. Он есть орган власти... включающий в себя и царя, и Думу» [4, с. 183].

В исторической науке можно встретить разноплановые оценки земских соборов в контексте политической самобытности России. Одни исследователи считают их высшими органами государственной власти, другие относят их к числу совещательных или законосовещательных советов при царе. Третьи полагают, что этот вопрос нельзя решать с точки зрения конституционной теории, в качестве аргумента указывая тот факт, что проведение земских соборов со стороны верховной царской власти было не обязательным, но фактически необходимым для легитимации принятых решений [3, с. 112]. И. А. Исаев отмечает, что в период Смуты собор, а не молодой царь, правил страной в полном смысле этого слова [5, с. 221]. М. Ф. Владимирский-Буданов указывал еще одно правомочие собора – право подачи петиции (челобитья), которое можно рассматривать как законодательную инициативу.

Историки не признают преемственности между вечевыми традициями и земскими соборами, так как видят связь их с церковными поместными соборами. Так, И. А. Исаев полагает, что в основе земских соборов лежит идея представительства, совершенно чуждая идее представительства, выработанной на Западе, так как в России представительство есть не привилегия, а обязанность, род государственной службы. «Административная нужда» заставляет учредить еще один вид службы в середине XVI века. «На Земском соборе представлен не народ, не сословия, а служилые чины – само государство. Земский собор – это форма представительства государства самого себя! Структура этого явления удачнее всего может быть представлена в виде саморефлексирующей идеи вполне в гегелевском духе. Этим объясняется невероятная мощь государства, его культ в русской истории, выраженный в известном афоризме О. В. Ключевского “Государство пухнет, народ хиреет”. Сверхэтизм русского типа правопонимания начинает

формироваться именно в это время, в эту эпоху, и ничего с этим не поделаешь!» [5, с. 222]. В приведенных выше словах и заключается самобытность отечественных демократических традиций: государство всегда занимало глав-

ное место в политическом и правовом мировоззрении русского человека, не представляющего себе возможным антагонизм между государством и иллюзорным гражданским обществом.

Литература

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998.
2. Алешкова Н. П. Конституционно-правовые основы муниципального правотворчества в Российской Федерации: монография. Екатеринбург, 2012.
3. Булаков О. Н., Рязанцев И. Н. Парламентское право России: курс лекций / под ред. О. Н. Булакова. М., 2007.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907.
5. Исаев М. А. История Российского государства и права: учебник. М., 2012.
6. Исаев М. А. История государства и права зарубежных стран. М., 2013.
7. История отечественного государства и права / под ред. О. И. Чистякова. М., 1992.
8. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Наш умственный строй. М., 1989.
9. Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1957. Т. 2.
10. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк). М., 1994.
11. Сергеевич В. И. Вече и князь: русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. 1-е изд. М., 1867.
12. Сергеевич В. И. Древности русского права: в 3 т. Т. 1: Территория и население. М., 2006.
13. Сметанникова Т. А. Становление городского правопорядка в средневековье // История государства и права. 2007. № 14.
14. Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6.
15. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Bibliography

1. Alekseev N. N. Russian people and the state. Moscow, 1998.
2. Aleshkova N. P. Constitutional and legal foundations of municipal law-making in the Russian Federation: monograph. Ekaterinburg, 2012.
3. Bulak O. N., Ryazantsev I. N. Parliamentary law of Russia: course of lectures / ed. H. E. Bulakova. Ekaterinburg, 2007.
4. Vladimirsky-Budanov M. F. Review the history of Russian law. Kiev, 1907.
5. Isayev M. A. History of the Russian state and law: textbook. Moscow, 2012.
6. Isayev M. A. History of state and law of foreign countries. Moscow, 2013.
7. History of domestic state and law / ed. O. I. Chistyakov. Moscow, 1992.
8. Kavelin K. D. A look at the legal life of ancient Russia // Our mental system. Moscow, 1989.
9. Klyuchevsky V. O. The course of Russian history. Moscow, 1957. Vol. 2.
10. Kondakov I. V. Introduction to the history of Russian culture (theoretical essay). Moscow, 1994.
11. Sergeevich V. I. Veche and Prince: Russian polity and governance in times of Rurik princes. 1st ed. Moscow, 1867.
12. Sergeevich V. I. Antiquities of Russian law: in 3 vols. Vol. 1: Land and people. Moscow, 2006.
13. Smetannikova T. A. The formation of urban law and order in the Middle Ages // History of state and law. 2007. № 14.
14. Froyanov I. Ya. Historical realities in the chronicle tale about calling Vikings // History questions. 1991. № 6.
15. Froyanov I. Ya. Kievan Rus. Essays on the socio-political history. Leningrad, 1980.